

Андрей Подушкин

Подушкин (псевдоним, настоящая фамилия – **Михалев**) **Андрей Юрьевич** родился в 1966 г. в Челябинске. В 1986 г. окончил Челябинский индустриальный техникум. В 1986–88 гг. служил в Советской Армии на Дальнем Востоке. В 1995–97 гг. – участник поэтической группы «Среда». Автор восьми сборников стихов, среди которых «Сквозная тема» (Челябинск, 1996), «Общепит» (Челябинск, 1997), «Танец четверга» (Москва, 2003), «Фактория» (Челябинск, 2005), «В некотором бытовом пространстве» (Челябинск, 2011, 200 экз.). Участник АСУП-1 в составе группы «Среда». Муж поэтессы С. Поповой. Живет в Ногинске.

Филологическая маркировка стихов А.П.

Традиции, направления, течения: мистическая поэзия, социальная и городская лирика, фольклор.

Основные имена влияния, переклички: А. Щуплов, А. Самойлов, Е. Лесин, В. Емелин, И. Холин.

Основные формальные приемы, используемые автором: избавление от рифмы, переход на белый стих в концовке стихотворения, создающий эффект парадоксальности; либо, напротив, сохранение эпифорической структуры там, где ожидается предсказуемый сбой в концовке, переосмысление фольклорных форм, самоирония.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: экскурсы в историю античности (Софокл, Эдип, Ифигения) и мировой поэзии (Уитмэн), мотив потери, парадоксальность в негативном воплощении женского и городского образа – уход от «нормативности», от стандартного восприятия путём взгляда с противоположного ракурса, благодаря чему снимается элемент условности.

Творческая стратегия: очередной извод традиции «наглядной» поэзии; зачастую страшный сюжет накладывается на «бодрый» четырёхстопный

хорей, что помогает созданию трагикомического эффекта. В целом Подушкин – поэт с разноплановой и меняющейся творческой стратегией: подборка в АСУП-1 существенно отличается от сборника «В некотором бытовом пространстве», вышедшего в 2011 г., так что интересно проследить вектор развития – но отсутствие текстов поэта в остальных 2-х томах АСУП (по причине выбывания автора за региональный периметр) не позволяет сделать это в рамках данного издания.

Коэффициент присутствия: 0,28

АВТОБИОГРАФИЯ

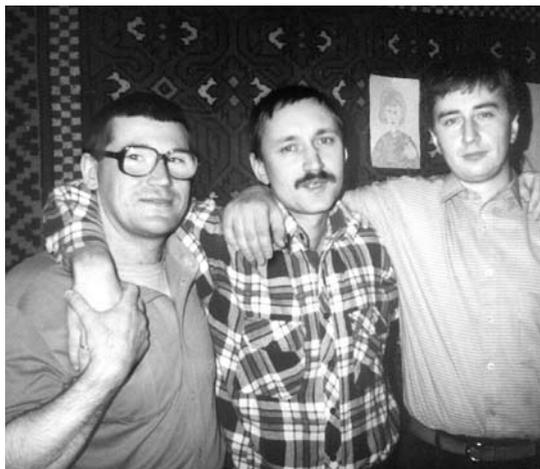
Родился я 29 мая 1966 года в большом, пыльном и шумном, индустриальном и безалаберном городе – Челябинске (все настоящие поэты рождаются в городах. Есенин, Рубцов – исключение. За других деревенских не ручаюсь: поэты ли они вообще?) в семье простой, рабочей и очень типичной для того времени.

Детство моё, городское, пионерское, безоблачное, пришлось на те счастливые и светлые годы – брежневские, которые нынче модно хаять и оплёвывать. Не такой уж я пробитый отморозок, чтобы уподобляться сей постыдной (если не сказать – паскудной) моде. Мода – это всегда пошло! Впоследствии всё и вся, среди чего-кого я взрастал, попали-угодили в мои стихи (и Николай Угодник тоже). Туда им и дорога!

Друзья-приятели – сплошь ярые битломаны и закоренелые правонарушители. Соседи-простолодины. Самогон. Гармонь. Мордобой. Добрые советы. Очкастые злюки-училки. Снится ли мне наша «классуха» Антонина (в народе – Гыча)? И не спрашивайте. Участковые «мильтоны». Тощий Дрын и усатый Гарибальдич (шухер, ребя! Шухер!). Билетерши из кинотеатра «Победа» – тётя Зина и тётя Нина. Дворник дядя Миша. Татарин. Водопроводчик. Тертышников. Казак. Трамваи. Обшарпанные, облезлые. Разных маршрутов.

«Хрущевки» и «брежневки». Тогда еще свеженькие. Серенькие. От двух до девяти этажей. В подвальной плесени – штабные «бункера». В пыли и птичьем помёте чердаков – «клубы настоящих парней» с папкиными папиросами «Волна» и «Север».

Баталии на льду. Хоккейные дощатые коробки. Двор на двор! Трус не играет в хоккей! «Махачи» за школой. «Раз на раз» – «по-честному». (А вы думали?). Местные шизоиды, олигофрены. Страшные, смешные. Загадочные. Запойные чудаки. Неудачники.

А.П. с участниками группы «Среда», 1995 г.

Нахрапистые уголовнички... Рослось мне весело и вольготно.

Столкновения личности, взросление и всевозможные радужные перспективы. Под бдительным контролем пионерской дружины и заботливой детской комнаты милиции.

*Мне стать хотелось мореманом,
Индейцем, гуру, атаманом,
Конкистадором, флибустьером,
Бродягою, эротоманом,
Гагариным и Магелланом
Или героем-пионером.*

Но более того – мне хотелось (уже тогда, просто я этого еще четко не осознавал) стать Андреем Подушкиным. Нисколько не блефуя и самую малость забегаю вперед, спешу вас заверить, что именно им – Андреем Подушкиным – с годами я и стал.

Первые стихотворные формы, пробудившие во мне тягу к словотворчеству, – матерные частушки (про «шёл я лесом – видел беса...», про «нет резинки от трусов...», про «вышел заяц на крыльцо...»). И, конечно же, стилизации под «блатняк» – «Гоп со смыком», «Ах, Одесса», «Стоял я раз на стрёме» и т.п. Благо, что мой папа, шофёр, велосельчак (всё относительно) и выпивоха, тяготел к блатфольклору (и не только во хмелю).

Во дворах и детсадах подобные шедевры (русские народные, блатные хороводные) шли на ура и ценились куда выше, чем Чукок-Маршак-Бартовщина (к Бартовщине мы только подобрались). Потом, уже в отрочестве, всплыли Галич и Высоцкий, Есенин и Маяковский, Евтушенко (с ним – Рождественский, Вознесенский) и Горбовский. Гораздо позже – Светлов, Заболоцкий, Мартынов, Слуцкий, Глазков, Рубцов, Шклярев-

ский. За ними – Чёрный Саша и Григорьев Олег. Всем им – огромный рахмат!

Пытались нарисоваться, но, пардон, «не прокатили» – Сельвинский, Кирсанов, Гумилёв, Пастернак и некоторые другие Бальмонты. «Серебристам» – всем этим символистам, акмеистам и прочим прощелыгам от литературы так и не удалось привить мне поэтическое дурновкусие. (Трухлявая эстетчина и всякие проявления мелкобуржуазной отрывки а-ля Бальмонт мне чужды! Долой белогвардейщину!). К лучшим образчикам советской поэзии, напротив, тянулся сызмальства. (О, эпоха!). Если бы не эти Исако-Твардовские да Щипачевы-Фатьяновы. Стыдоба-стыдобушка отечественной словесности! (Увы, таких во все времена хватало).

В районе семнадцати лет (к двум-трём сезонам поэтической практики) у меня появился псевдоним (он вам известен) – Подушкин. Пушкин? Везде вы со своим Пушкиным суетесь! Нет, он здесь не у дел. А впрочем, считайте, как вам удобно. Это ваше право. Только поосторожнее с этим Пушкиным! Хотя, чего там греха таить, какой же начинающий (начавшийся), полный юношеских дерзковато-борзоватых порывов и претензий на оригинальность поэт не мечтает (или давным-давно от мечтал) явить миру (чуть-чуть получше, чем Пушкин) «Онегина Евгения» или поэму о царе Петре на бронзовом коняге? На худой (тощий, бледный и облезлый) конец – «Мцыри» (или «Мзиури»), «Витязя в тигровой шкуре», «Гамлета» или «Облако без трусов» (или все-таки... «в штанах»). Не говоря уже о «Василии Тёркине», «Луке Мудищеве» или «Дяде Степе». Бог? Бога нет! Это аксиома. А не повод для пустословия и диспутов. Нет, и всё тут. Шатаюсь по стране: от Приморья до Калининграда, от Ямала до Новороссийска (и далее того), я ни разу не наткнулся даже на след оного. Ни тени, ни запаха, ни малейшего намёка!

Первая моя публикация – в газете очень местного масштаба «Человек» (достойное название!) – состоялась в 1991 году. Первая книга вышла в свет в 1995-м. С тех пор у меня появились читатели. (Неизбежное зло!). Ими я дорожу (по мере сил и возможностей). Славные парни! (Не путайте с «отличные парни отличной страны»). Загружаю их по полной программе. Их не надо жалеть, ведь и они никого не жалели! (Да простят мне поклонники С. Гудзенко).

Все мои школы, техникумы, университеты, армейки и больнички, перроны и вокзалы, кафе и рестораны, часто меняющиеся места работы (и затяжные провалы между ними), все мои многократные (и малоуспешные) попытки начать новую жизнь – второстепенны. Они лишь фон (агрессивная среда). Фон, благоприятствующий

разрушению моего физического (а более того – психического) здоровья. Сплошная бестолковщина! Разговор о подобных фактах биографии, досадных и нелепых, следует вести в другом месте. И другим тоном.

*Водопроводчик Макеев Вовчик,
У нас в подъезде все говорят,
Был, между прочим, полярный лётчик,
А он по пьянке твердит: «Моряк».*

Кому интересна чужая анкета? Есть, конечно, сотрудники по кадрам, шпионы и другие «читатели». Не дружу с ними, из одного стакана не пью, из одного котелка не ем, на одной раскладушке не валяюсь.

В свободное от стихописания время люблю посидеть где-нибудь возле загаженной (других сейчас и нет) речки, в тени могучих береговых ветел, пугая горластых, жорких чаек камнями. А случай-

ных приречных прохожих – дичайшим фальцетом. (Какой же настоящий поэт не любит песен из советских кинофильмов?! От «Волга-Волги» до «Мимино» и «Бронзовой птицы»). Слова я иногда путаю, на пустяки, вроде мотива, тональности и мощности в децибелах, особого внимания не обращаю. В песне главное – душа.

*Вырос глухой бурьян
В нашем лихом краю.
Я редко бываю пьян,
А если напьюсь, – пою.*

Часами напролёт могу мечтать о всяких пустяках, несбыточных, но приятных. (Почему обязательно неприличных? Не судите по себе).

Крайне примитивная (не спорю), но чертовски полезная форма прозябания. Для многих, увы, непонятная и неприемлемая. А может быть, недоступная? Недостигаемая?